

Одно мгновенье

Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 7. -- М.: Правда, 1977.
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 22 апреля 2003 года

I

Однажды чудным тропическим вечером, когда корвет "Витязь" шел себе под всеми парусами узлов по восьми, направляясь в Рио-Жанейро, в кают-компании за чаем зашел разговор о самоубийстве.

Поводом к такой редкой среди моряков беседе послужил рассказ одного лейтенанта о своем товарище, который два года тому назад застрелился от несчастной любви к одной замужней женщине.

Рассказчик назвал эту женщину. Ее многие знали в Кронштадте. Это была жена одного инженера, изящная блондинка с рыжеватыми волосами, умная, милая и обворожительная, казавшаяся молодой, несмотря на свои тридцать девять лет.

Большинство моряков не выразило ни малейшего сочувствия самоубийце. Почти все находили, что стреляться из-за женщины глупо.

А пожилой старший штурманский офицер, отличный и неустрашимый моряк, и в то же время, как все знали, настолько трусивший своей высокой, полнотелой жены, бойкой и сварливой, что даже сам просился в дальнее плаванье, желая избавиться от домашних сцен, не без авторитетности произнес:

-- Самое последнее дело пропадать из-за женского ведомства. Только шальные юнцы на это способны. Получил ассаже -- инженерша дама строгая -- и ба-бац! Думал, что эта самая инженерша только единственная на свете... В те поры не соображал, что есть и другие дамы. В затмении был...

Все принимавшие участие в разговоре согласились со штурманом и вообще не одобряли самоубийства от каких бы то ни было причин. Многие находили, что самовольное лишение жизни обличает трусливую душу и, во всяком случае, эгоиста, не думающего о страдании, которое он причиняет другим. Человек с характером и в здравом уме никогда не пойдет на самоубийство.

-- Это все равно, что бросить судно в минуту опасности! -- с убежденным спокойствием проговорил старший офицер, капитан-лейтенант лет под сорок, с Георгием в петлице белого кителя, прежний черноморец, пробывший всю севастопольскую осаду на четвертом бастионе и раненный во время последнего штурма. -- Ни один порядочный моряк это не сделает за совесть, а не за страх ответственности. Надо бороться до последнего издыхания. Не правда ли?

Все согласились, что правда.

Только один из присутствующих в кают-компании не ответил на вопрос старшего офицера.

Он не принимал участия в разговоре и, словно бы нисколько не интересуясь им, молча отхлебывал чай, нервно выкуривая папироску за папироской.

Это был мичман Стоянов, смугловатый брюнет лет двадцати пяти, с курчавыми черными волосами и шелковистыми усами, небольшого роста, сухощавый, серьезный, с тонкими чертами красивого, мужественного и умного лица, в выражении которого сразу чувствовалась сила воли недюжинного характера. В задумчивом взгляде темных глаз, опущенных длинными ресницами, было что-то смелое, открытое и несколько надменное, словно во взгляде молодого орла.

Много читавший, независимый в своих суждениях, нередко расходившийся во взглядах с сослуживцами, Стоянов держался особняком, не подчеркивая, впрочем, этого, и ни с кем особенно близко не сходилась. И несмотря на это Стоянова все уважали за его прямой рыцарский характер, полный благородства и чуткой деликатности, за соответствие его слов с делом, за ум и добросовестное отношение к служебным обязанностям. Он считался всеми лихим морским офицером и лучшим вахтенным начальником. В то же время он был ревизором*, аккуратность и щепетильная честность которого были вне всяких сомнений!

* Офицер, заведующий хозяйственной частью. (Прим. автора.)